

Handwritten text on the yellow sash, including the words "Amelia" and "Cura".

Handwritten text on the yellow sash, including the words "Amelia" and "Cura".

В ПОИСКАХ СВИДЕТЕЛЬСТВА О СЧАСТЬЕ

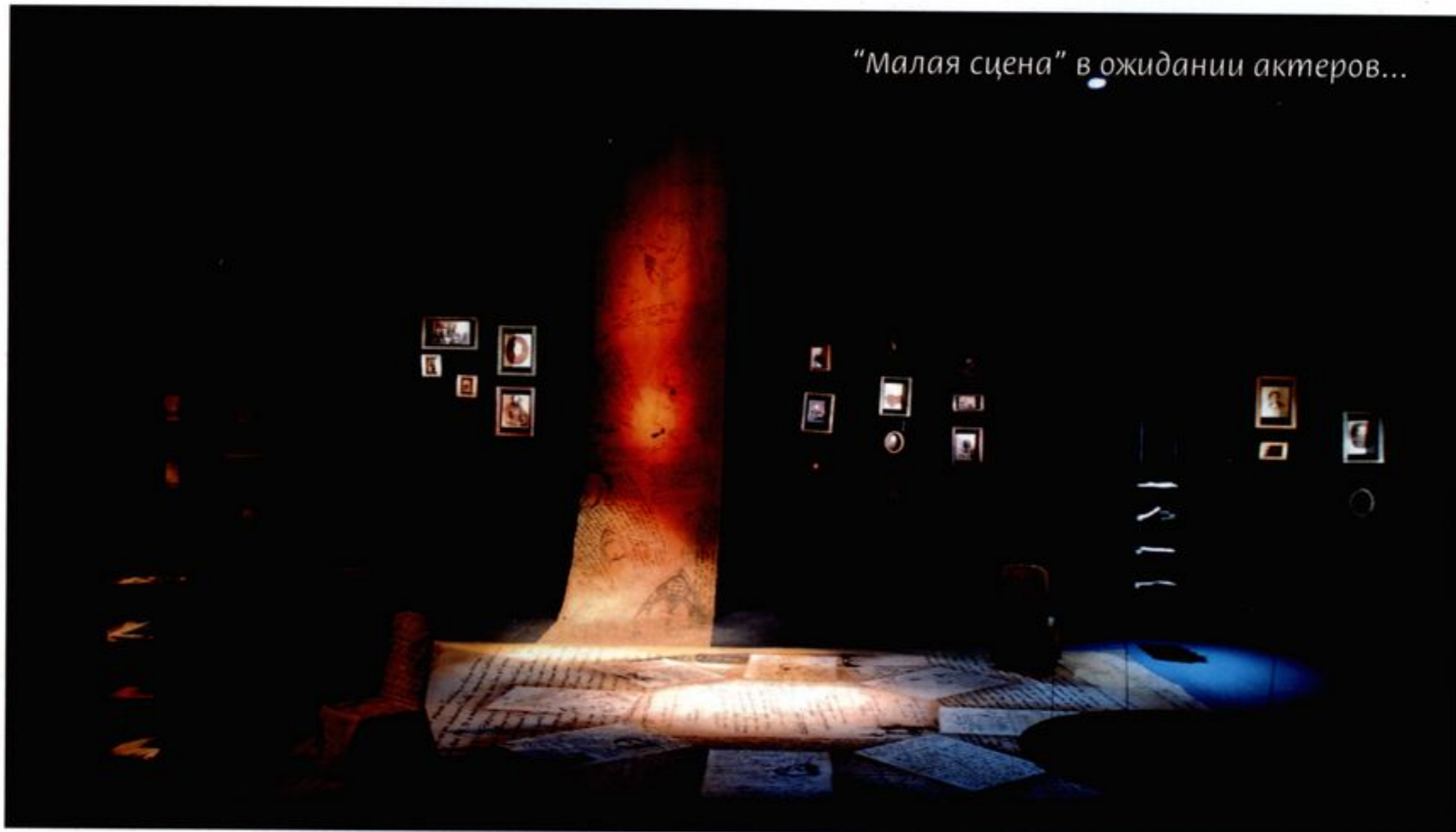
Наш Великий Новгород, обретший всемирную славу благодаря своей истории, археологии и архитектуре, в театральной сфере гораздо скромнее себя проявил, – ну не произошло здесь за тысячу лет ничего такого, что определило или изменило бы судьбу отечественного театра. Хотя, если внимательнее приглядеться, то и в этой сфере можно обнаружить факты, подтверждающие репутацию Новгорода как города во многих отношениях “первого”. Далеко и ходить не надо, – взять хотя бы вывеску новгородского театра, освященную именем великого Достоевского. Трудно поверить, но на бескрайних просторах России еще в середине 1990-х не существовало ни единого театра его имени! С десятков театров имени Пушкина, еще больше имени Горького, театры имени Лермонтова, Островского, Гоголя были, а вот имени Достоевского – нет. Первым театром в стране, взявшим имя гениального писателя (в год его 175-летия), стал именно наш, Новгородский областной театр драмы, – в ту пору еще безымянный и далеко не академический.

Ну, что касается “академичности” – тут разговор особый, а вот к имени своему новому театр отнесся на редкость проникновенно. Если за весь период от войны до присвоения этого имени (то есть за полвека) он поставил лишь две вещи Достоевского, то за минувшее после этого исторического момента десятилетие обращался к творчеству классика четырежды. Иными словами, в десять раз чаще. Но не в том только дело, что чаще, – тема Достоевского действительно в театре по-настоящему прижилась, давно уже выйдя за рамки повинности по репертуарному оправданию обозначенного на афише имени. И поиск в этой теме материала (как и форм его воплощения) становится все шире и разнообразнее – что, впрочем, обусловлено самими уже особенностями творчества прославленного автора.

Как известно, Федор Михайлович не являлся драматургом, поскольку ни одной пьесы после себя

не оставил. Но его насыщенная острыми конфликтами и яркими характерами (не говоря уже о психологических и философских глубинах) гениальная проза сама по себе настолько театральна, что просится на сцену куда настойчивее иных “настоящих” пьес “настоящих” драматургов. Неудивительно поэтому, что недраматург Достоевский оказался в числе самых репертуарных авторов русского театра. Чего только ни тащили на подмостки из его наследия: и великие романы (для театра неподъемные), и на редкость драматургичные повести, напоминающие пьесы с обширными ремарками, и даже памфлеты – для сцены, казалось бы, малопригодные. Новгородская труппа пробовала и первое (“Преступление и наказание”, “Бесы”), и второе (“Дядюшкин сон”), и третье (“Крокодил”, “Вертеп”). Мало того, в русле сценического исследования творчества писателя здесь неожиданно замаячила и побочная, “околостоевская” тема – три-

“Малая сцена” в ожидании актеров...

умфально вошедшая в репертуар минувшего сезона со спектаклем “Я счастлива, счастлива, счастлива!” по дневникам жены писателя, Анны Григорьевны.

Спектакль был поставлен в ноябре к Десятому международному театральному фестивалю Достоевского в Старой Руссе главным режиссером костромского театра (а теперь уже новгородским главным режиссером) Сергеем Морозовым. Кстати, фестиваль не впервые пополняет новгородскую афишу: благодаря ему два сезона назад в репертуаре появился и поныне идущий очень интересный спектакль “Вертеп” – открывший, наконец, долгожданную “малую сцену”. А что такое “малая сцена” в нашем немалом театре? – та же самая громадная сцена, только вмещающая в себе, помимо собственно сценической площадки, еще и зрительские места. Та-

кой формат, обусловленный камерным характером старорусского фестиваля, позволил актерам слезть с котурнов и опробовать иные способы существования, в нашем необъятном “колизее” немислимые и почти забытые.

На “малой сцене”, одежда которой цвета пожелтевшей бумаги исписана быстрым почерком – лишь стол под зеленым сукном и подвесные полки, заваленные рукописями, да еще старинные фотографии в рамочках: некое музейное, мемориальное пространство, в котором и разворачивается действие. Именно действие – хотя и организованное на, в общем-то, малодейственном материале. Пьеса Сергея Белова и Евгения Белодубровского “Я была счастлива, счастлива, счастлива” – это ведь, в сущности, монопьеса, написанная для одной актрисы, исполнительницы

Анна Григорьевна ДОСТОЕВСКАЯ (Сниткина) родилась в Санкт-Петербурге 30 августа 1846 года. Отец – мелкий чиновник Григорий Иванович Сниткин, мать – шведка финского происхождения Анна Николаевна Мильтопеус.

В 1858 году поступила во 2-й класс Мариинской женской гимназии, которую окончила спустя шесть лет с большой серебряной медалью. В 1864 году поступила на физико-математическое отделение Педагогических курсов, но через год вынуждена была оставить учебу по причине болезни отца.

В 1866 году стала посещать курсы стенографии. Вскоре профессор Ольхин порекомендовал ее как лучшую свою ученицу Достоевскому, который нуждался в услугах стенографистки. Первая встреча Анны Григорьевны с писателем произошла 4 октября 1866 года. К 29 октября их совместная работа над романом «Игрок» была окончена, а спустя еще 10 дней, 8

ноября, Федор Михайлович попросил ее руки. Венчание состоялось 15 февраля 1867 года в Измайловском соборе.

Супруги прожили вместе 14 лет – до смерти Достоевского, последовавшей в январе 1881 года. В семье Достоевских родилось четверо детей – Софья (1868, умерла в три месяца), Любовь (1869-1926), Федор (1871-1921) и Алексей (1875-1878). С 1872 по 1880 годы Достоевские периодически жили в Старой Руссе, где в 1876 году приобрели собственный дом (ныне – Дом-музей Ф.М. Достоевского).

После смерти супруга Анна Григорьевна семь раз издает собрания его сочинений. Скончалась А.Г. Достоевская 9 июня 1918 года в Ялте.

Создатели спектакля –
режиссер Сергей Морозов (в центре),
актеры Любовь Лушечкина
и Анатолий Устинов

главной (и единственной) роли Анны Григорьевны Достоевской. А значит – как ни лукавь насчет “внутренних конфликтов” – все равно в конечном счете здесь монолог, то есть материал чтецкий, имеющий совершенно иные законы воплощения и восприятия. Театральное же действие держится в основном противодействием, оно все-таки должно происходить, а не пересказываться. Впрочем, проблему извлечения внутренних конфликтов наружу режиссер решил талантливо и просто, добавив в спектакль в качестве оппонента еще одно действующее лицо. Точнее – исполнителя. В программке так и сказано: *“Действующие лица – Анна Григорьевна Достоевская; исполнители – заслуженная артистка России Любовь Лушечкина, Анатолий Устинов”*. При таком раздвоении личности главной героини не обошлось и без казуса. Так, внутритеатральную премию в номинации “лучшая мужская роль второго плана” актер Устинов получил за исполнение роли Анны Григорьевны. Первая в жизни женская роль – и сразу на премию!

– Не первая: когда-то еще Бабу Ягу играл, – вспомнил Анатолий Александрович. – Хотя свою роль в новом спектакле я считаю все-таки мужской. Впрочем, это не важно – главное, чтоб меня там с Достоевским не путали.

В данном отношении актер может быть спокоен: ни с Федором Михайловичем, ни с Анной Григорьевной (вопреки заверениям программки) создаваемый им образ нисколько не ассоциируется. Сперва он замышлялся как некий воплощенный Дух Музея (наподобие Лешего в лесу или Домового в доме), ревниво оберегающий мир писателя, – не будем забывать, что изначально спектакль готовился для фестивальной площадки старорусского музея. Но в процессе адаптации к новгородской “малой сцене” многие

старорусские атавизмы снивелировались до степени полной неприметности, в том числе и какая бы то ни было конкретизация этого странного персонажа. И это правильно, ибо куда важнее его идентификации оказалась его роль второго участника выплеснувшегося наружу “внутреннего конфликта” – в ходе которого рождается, крепнет и, наконец, торжествует утверждение: “Я была счастлива!”

Актриса Любовь Лушечкина вторгается в мемориальный мир писем и воспоминаний, в котором уже освоился Некто (или Кто-То) с лицом Анатолия Устинова. Читая листы дневника (сначала глазами, затем вслух), отвечая на реплики своего безымянного собеседника, она постепенно вживается в образ самой Анны Григорьевны, рефрен “я была счастлива” начинает звучать уже не цитатой, а собственным голосом. Да, не только гениальный писатель, но еще эпилептик, ревнивец, игрок; да, безденежье, бесконечные тревоги, вечные долги, – но все равно она

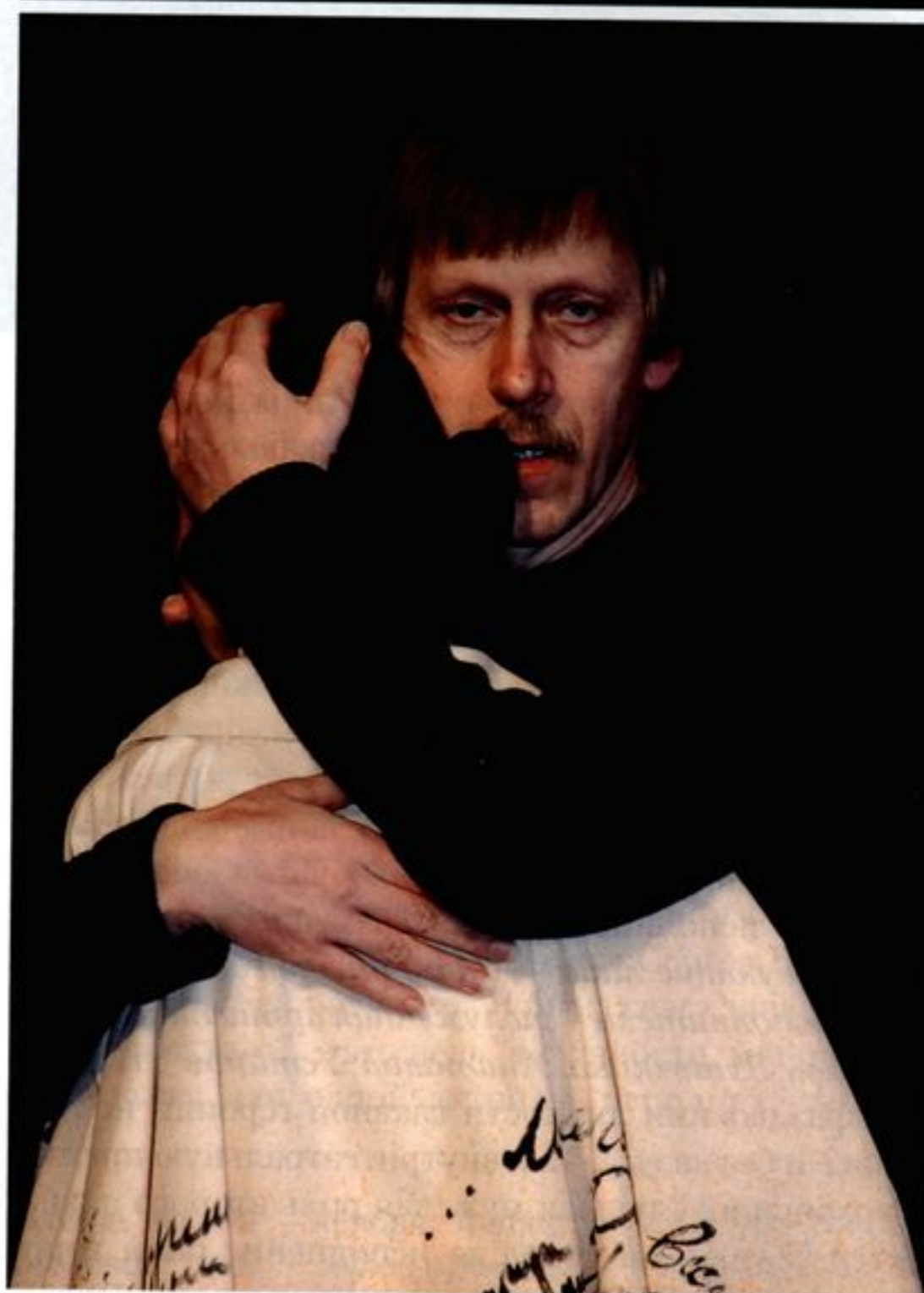
была счастлива, счастлива, счастлива! Оба исполнителя говорят исключительно словами Анна Григорьевны (из дневника), иногда Федора Михайловича (из писем). Причем нельзя сказать, что более скептический Некто только и занят отрицанием супружеского счастья четы Достоевских, – обе воплощенные “части души” от противоречий периодически переходят к полному согласию, вспоминая и заново проживая самые трагические и радостные минуты: смерть первого ребенка, сдержанную Федором Михайловичем клятву, совместное созерцание Сикстинской Мадонны. Таким образом по самым высоким вехам прослеживается в течение часа вся жизнь, – жанр спектакля так и обозначен: “14 лет и вся жизнь без антракта”. И на всех ее этапах мучительно решается вопрос – была ли счастлива прожившая с гением обыкновенная женщина?

Вот, собственно, и весь сюжет. Благодаря изобретательности режиссера и точной работе второго персонажа спектакль получился интересным, живым, профессиональным. Но произведением искусства, подлинным и неповторимым, его все-таки делает потрясающая актерская работа исполнительницы главной роли Любови Лушечкиной.

Для творчества Любови Дмитриевны благотворны сами уже условия “малой сцены”. Разумеется, для мастера такого уровня формат сценической площадки решающего значения не имеет, – она вполне способна решать любые задачи на какой угодно сцене. И все же трудно без потерь перебросить через рампу все эмоциональные оттенки, все психологические нюансы роли, тогда как в камерном пространстве “малой сцены” они обретают свое полноценное звучание. А главными сценическими добродетелями Любови Дмитриевны как раз и являются достоверность и предельная искренность в сочетании с редкой эмоциональной подвижностью. Блистательная лирическая героиня, способная сделать честь любому столичному театру, она прежде всего, конечно же, актриса крупного плана. По счастью, в спектакле все эти предпосылки успеха удачно совпали – и крупный план, и особенности актерского дарования главной исполнительницы, и мемуарный характер материала, и его острый психологизм – проявляющийся, кажется, во всем, что сопряжено с именем Достоевского.

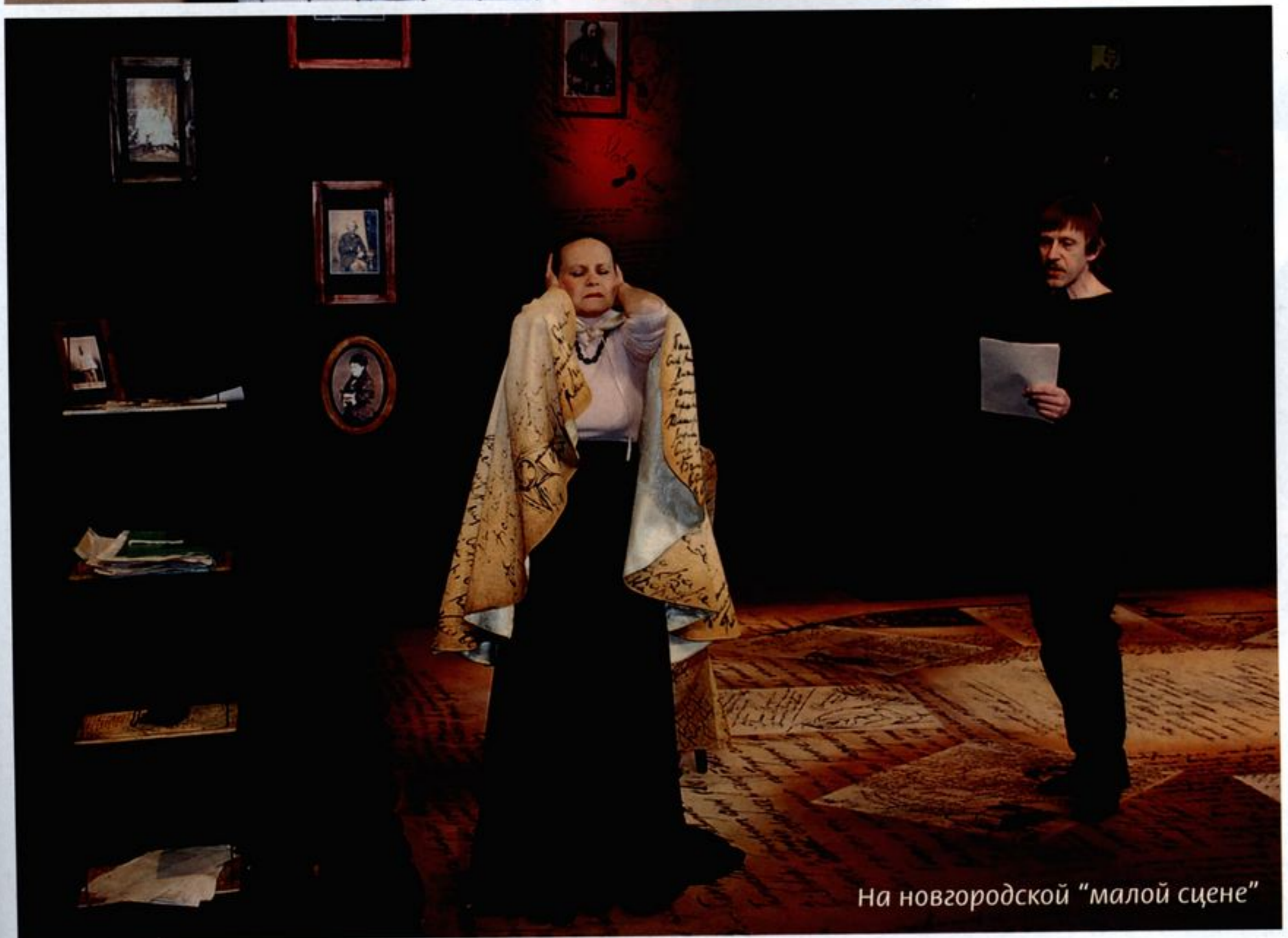
Кстати сказать, актриса Лушечкина с героиней своей, Анной Григорьевной, встречается уже не впервые. Еще 26 лет назад в той же Старой Руссе представлена была литературная композиция по переписке супругов Достоевских, в которой она читала письма Анны Григорьевны. Вот как об этом в своей книге “Жизнь для жизни. Хроника нескольких лет Ф.М. Достоевского” вспоминает писатель Павел Косенко:

“В ноябре 1981-го, в дни празднования 160-летия Достоевского, я в составе бригады Союза писателей ездил в Старую Руссу, где тогда только что был открыт мемориальный музей... В маленьком зале этого двухэтажного “особняка” организаторы поездки устроили нам сюрприз –

На старорусском театральном фестивале

На новгородской "малой сцене"

показали "миниспектакль" (так обозначался он в программке) новгородского областного театра. Он был создан на материале переписки Федора Михайловича с Анной Григорьевной в дни Пушкинского праздника...

Актер, читавший за Федора Михайловича, мне не запомнился... Но и сейчас отчетливо помню то редкое душевное волнение, которое охватывало всех нас, когда приходила очередь читать молодой артистке Л. Лушечкиной. Потому что она сама становилась Анной Григорьевной Достоевской, сейчас, в этот момент, сочиняющей очередное послание любимому мужу. Характер Анны Григорьевны был понят и передан артисткой изумительно. Как она привлекательна в своей безграничной преданности мужу, как она в письмах ластится к нему, как трогательна и самоотверженна в заботах о детях – и какая при этом мещаночка!..

Артистке удалось даже передать то, что чувственность, подспудно пронизывающая всю переписку супругов Достоевских, у Анны Григорьевны тоже имеет заметный мещанский привкус. Анна Григорьевна чуть жеманничает, чуть-чуть у нее пошло-вато "про это" выходит, а все равно – обаяния бездна!

Что ж, если между строк тех писем и проявлялась природа “обаятельной мешаночки” – чуткая ко всякого рода полутонам актерская натура Любови Дмитриевны просто не могла ее не уловить. Но приведи автору процитированного отрывка увидеть ту же Анну Григорьевну в том же исполнении спустя четверть века – он наверняка бы ее не узнал. Какая там “мешаночка”, когда пафос достигает высот почти трагедийных, а степень эмоционального накала не ниже, чем в самых душераздирающих скандалах из романов Федора Михайловича! Вся присущая женским письмам и мемуарам бытовая дотошность микшируется, уходит куда-то на задний план, становится размытым фоном, – на котором четко и все более страстно звучит лейтмотив: я была счастлива!

- Я не сразу сумела эмоционально “схватить” материал, – призналась актриса. – Кому я тут что-то доказываю? Для чего я здесь? – ведь не для того, наверное, чтобы, как в 1981 году, ознакомить зрителя с текстами писем? А если нет – то что же здесь, на сцене, все-таки происходит? В этих вопросах я долго не могла разобраться.

- Но к фестивалю-то разобрались?

- На фестивале всё проскочило на нервах, на мандраже, – я и понять тогда ничего не успела. А как стали спектакль на нашу сцену переносить – тогда поняла: плаваю! Один раз так могу сыграть, другой раз – этак, но какой-то осознанной, четко сформулированной действенной задачи не было.

- А сейчас есть?

- Сейчас есть...

И тут Любовь Дмитриевна приоткрыла дверь в святая святых актерской работы – в ту самую “творческую кухню”, где каким-то непостижимым волшебством из самых неожиданных слов, воспоминаний, фантазий и тому подобных раздражителей (которые принято называть “манками”) рождается ощущение образа, действенные мотивы роли, а в конечном итоге и сама роль. Как правило, в эту шаманскую сферу, ютящуюся где-то на грани подсознания, посторонним ход заказан. Но задача, которую определила себе актриса, так хорошо была сформулирована и столь многое объясняла, что грех было бы ее не озвучить.

- Я представила себе: Федор Михайлович уже пребывает где-то там, на небесах, а душа Анны Григорьевны, оторвавшаяся от земли, мучается тем, что никак не может с ним соединиться. Потому что ей твердят: “Ты не была, ты просто не могла быть счастлива той жизнью, которую прожила”. И вот теперь, стоя за кулисами, я понимаю – это мой последний шанс: ворваться сейчас в мир нашего прошлого, найти там подтверждения и доказать всему свету и этому моему Alter Ego (то есть себе самой), что все-таки я была счастлива, была!..

Какая уж тут “мешаночка” при таких космических задачах? Разумеется, зрителю вся эта метафизика с воссоединением душ и в голову не придет (да и не должна), – с него довольно и собственных его слез сопереживания, не требующих объяснений.

- Не думала, что для меня эта работа будет такой непривычной и мучительной, – продолжила Любовь Дмитриевна. – Но как только, за два дня до премьеры, я вдруг сумела точно определить себе задачу – всё сразу стало на свои места. И теперь, сделавшись уже понятным, образ Анны Григорьевны мне особенно дорог. Потому, наверное, что выстрадан.

На старорусском фестивале Анна Григорьевна (хотя и сыгранная “на мандраже”) принесла своей исполнительнице премию “за лучшую женскую роль”. Спустя три месяца, в минувшем феврале, спектакль ездил в Москву уже на другой фестиваль – “Арбатские встречи”, проходивший в Центральном доме актера имени Яблочкиной. Этот фестиваль, в отличие от первого, был не конкурсным, а потому ни спектакль, ни создатели его никаких регалий там не завоевали. Зато с восторгом были приняты публикой. Причем публикой профессиональной (то есть столичными актерами), что особенно приятно. “Я за всю жизнь столько добрых слов не слышала, сколько наслушалась в Москве за один вечер”, – вспоминает Любовь Дмитриевна. Да и статья в журнале “Страстной бульвар, 10”, посвященная обзору “Арбатских встреч”, тоже свелась в конце концов к доброй рецензии на новгородский спектакль.

За все 27 лет, что Любовь Дмитриевна работает в новгородском театре, я не припомню ни одной ее малоинтересной роли, – но и столь неожиданной, мощной работы, как Анна Григорьевна, тоже не помню. Мощной настолько, что актрисе удалось даже вывести свою героиню из поля притяжения такого гиганта, как Достоевский, и превратить ее в самостоятельный, живой, полнокровный персонаж. Воистину триумфальная, бенефисная роль!

Жаль только, что этот маленький (продолжительностью не более часа) шедевр немногие видели. Зрительская зона “малой сцены” совсем небольшая, спектакль редко идет, да и название на афише не сильно интригующее. Очень легко пройти рядом и не заметить. А произведения сценического искусства (в отличие от произведений других искусств) очень недолго живут. Спектакль в сравнении с картинами, соборами, монументами и прочими пирамидами – бабочка-однодневка.

Алексей ПШАНСКИЙ